

Харлампиевский листок

№25

Печатается и распространяется
по благословению настоятеля
протоиерея Евгения Старцева

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПАСХИ

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ ПИСЬМА

Архимандрит Савва Мажуко

(Продолжение. Главы из книги. Начало в № 24)

ПЕРВАЯ СЕДМИЦА

Ужас исповеди

Если и есть причина давать священникам молоко за вредность, то это исповедь. Большинство батюшек с содроганием думают о Великом посте не из-за ограничений в трапезе, а потому что знают – пришло время «сражаться» с исповедниками. Некоторые отцы испытывают настоящий ужас исповеди.

– Чего тогда шли в попы, спрашивается?

– Чтобы Богу служить, людям помогать.

– Чем же вас исповедь пугает?

– Потому что исповедь – птица редкая в наших храмах. Все больше пустословие да духовное кокетство. Впрочем, и с той и с другой стороны.

«Жестоко слово сие»! Однако если я и преувеличил, то самую малость.

Почему именно Великий пост?

Было время, когда православный народ ходил на исповедь только постом. Тому (согласен) были разные причины, главная из которых – расцерковление жизни. Всегда был и всегда будет соблазн свести христианство к религии, найти ему подходящее занятие и поставить четкие границы в идеологии, культуре, морали. Это очень удобно, когда у христианства есть своя «экологическая ниша» и не мешающий другим ареал обитания. Христианам хорошо, миру спокойно. Как только христианство обращают в религию, тут и наступает расцерковление. Первый признак этой болезни – забвение Евхаристии. Церковь не просто живет Евхаристией, она живет в Евхаристии, являет себя только в литургии. В годы торжества православной империи вдруг оказалось, что большинство христиан бывают у Чаши раз в год – Великим постом, и не всегда по своей воле.

Великий пост считался временем *говения*, то есть исповеди и причастия. Отсюда такой отрядный для нас глагол «отговорить» – выполнить положенное, отдать свой религиозный долг.

Положено Великим постом идти к причастию? Пойдем. Отговорим.

Инерция этой практики жива до сих пор: Великим постом всегда больше причастников и исповедников, чем в другие дни года. Это неправильно. Правда в том, что Великий пост – это не время для исповеди и причастия, что вовсе не значит, будто постом не надо причащаться. Христиане живут Евхаристией, и не только постом. Поэтому здоровую общину отличает то, что в пост количество причастников там не намного больше, чем в другие дни.

Однако вот что волнует многих: перед причастием непременно нужно исповедоваться. Причаститься – легче, чем исповедоваться. Проще объяснить, как подойти к Чаше, чем рассказать, что происходит на исповеди. У меня есть знакомые, которые многие годы посещают церковную службу, но никогда не бывали «на духу».

Почему все это так сложно? Потому что, размышляя об исповеди, мы упускаем из виду ряд ключевых моментов, принципиальных позиций, от которых следует отталкиваться, если хотите в этом туманном вопросе разобраться. Отмечу лишь один.

Исповедь – церковное таинство. Это не тривиальное определение, а «мысль, которую стоит подумать». Слово «таинство» означает, что мы не знаем, у нас нет слов, чтобы объяснить «механику» покаяния и отпущения грехов. Если что-то в Церкви названо таинством, это означает, что речь идет о личном и неповторимом событии, которое происходит между Богом и человеком. В этом смысле все таинства – невыразимы, принципиально недосказуемы. У каждого таинства есть внешний знак, сакральное действие, означивающее то, что происходит невидимо и непостижимо. Но мы сказали, что Исповедь – таинство церковное, то есть это исключительное событие, которое происходит между Богом и человеком, касается всей Церкви как общины, сообщества братьев и сестер. Человек раскаивается в своих проступках, просит у Бога прощения, честно рассказывая о тех поступках, где он вел себя не как брат и сестра, не как церковный человек, но нехристь – тот, кто вне Церкви, не ученик Христа.

Можно ли обойтись без священника? По правде говоря, можно. В древности кающийся исповедовался всей общине в своих прегрешениях. Думаю, не многие предпочтут этот вариант исповеди у батюшки. Однако эта древняя практика помогает нам понять один из центральных моментов исповеди: человек кается перед Церковью, и его примирение с Церковью свидетельствует священник.

В молитвах к исповеди есть такое прошение: «Примири и соедини его Святей Твоей соборной и апостольской Церкви». Священник – свидетель примирения кающегося с Церковью, свидетель оставления человеком греха, поручитель его церковной жизни. Исповедь примиряет с Церковью, свидетельствует, что

этот человек – наш, свой, церковный, он – брат, сестра, единоведец. Поэтому главный элемент исповеди – свидетельство примирения со своими братьями и сестрами, и первый вопрос исповеди: в мире ли ты со своими близкими? Идешь к Чаше – «первое примирился ты опечалившим, таже дерзая таинственное брашно яждь» – так наставляют молитвы к причастию. В Церкви не должно быть вражды, распри, тяжбы. Примирение – вот с чего начинается разговор об исповеди, само событие исповеди. Начинается, но не заканчивается.

Чаша доверия

Исповедь – церковное таинство. Привычное определение. Но звучит парадоксом: слово «таинство» говорит о глубоко личном характере происходящего, а прилагательное «церковный» указывает на то, что это дело касается общины.

Как только мы что-нибудь наделяем определением «церковный», тут же это что-нибудь перестает быть делом личным. Нельзя *исповедоваться для себя*, как нельзя *причаститься для себя*. Исповедь – личное дело каждого? Не совсем. Если речь идет о Церкви, то здесь вообще нет личных дел. Идя на исповедь, ты не отправляешься решать свои вопросы. Церкви принадлежит тот, кто участвует в Евхаристии. Церковь живет Евхаристией и живет в Евхаристии. Быть в Церкви – быть в Евхаристии. Можно стать специалистом в богословии, сделать карьеру церковного чиновника, овладеть нюансами церковной политики, но все же не быть в Церкви. Доступ в Церковь – через Чашу.

Однако мы знаем, что священник может не допустить человека к причастию, а значит, поставить его вне Церкви. Если ты вне Евхаристии, ты – вне Церкви, отлучен, выключен из ее жизни. Потому что Церковь – это не просто сообщество людей или организация, хотя и эти уровни бытия Церкви никто не оспаривает.

Церковь являет себя в Евхаристии, в единстве Тела и Крови. Буквально.

Тело и Кровь Христовы делают нас единокровными друг другу. Буквально.

Христиане – братья и сестры по крови. Буквально.

Христиане – братья и сестры друг другу не просто по убеждениям, а по той крови, что течет в наших жилах. Мы можем принадлежать разным расам: вы, например, китаец, я – негр, но причастие от Чаши Причастия делает нас *подлинными* братьями, несмотря на цвет кожи. Страшно? Воистину! Но это еще не всё.

Мы не только причащаемся Телу и Крови Христовой, позволяя Жизни Бога влиться в нашу жизнь, смешаться с ней, пронизывая все существо. На литургии святого Василия Великого священник

молится: «Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу, во единого Духа Святого причастие».

Это значит, что у Чаши Причастия мы причащаемся и жизни друг друга, и мне есть большое дело до того, чьей жизни я причащаюсь в Церкви. Наши жизни сообщаются, приобщаются друг другу. А вы готовы причаститься тому, кто вместе с вами подходит к Чаше?

– Что же, значит, его грехи перейдут на меня? Вот из-за чего я болею?

– Спокойно! Евхаристия – *общение святых*. Вы не знали, что вы святой? Святой. Так же как и я, как и каждый из наших братьев и сестер. Ничего не поделаешь. Вы святой, и с этим надо смириться. Никакие тяжкие грехи не в состоянии задушить искорку образа Божия в человеке, а значит, искорку святости. В Евхаристии, в общении святых, раскрываются самые потаенные и незамутненные уголки нашей души, оттого так легче дышится после литургии, и вы это знаете.

Как знаете и то, что в молитве перед причастием поминаются Тайная Вечеря и Иуда. Этот несчастный апостол предал не только своего Учителя. Он предал все братство учеников, изменил своему братству. Их было одиннадцать, и каждого он обманул, придя на Вечерю с дурными намерениями, от которых его не отвратила даже торжественность момента. Для Иуды это был простой ужин. Очень скромный и несытный. И он был чужим на этой Вечере. Тот, кто подходит к Чаше, цинично намереваясь продолжить жизнь нечистую и нечестную, – чужой, посторонний. Поэтому, отлучая от причастия «чужака», священник оказывает ему услугу: страшно и опасно идти путем Иуды.

В древности то, что мы сейчас назвали бы исповедью, проводили собрания священников во главе с епископами. Это было похоже на заседание суда. Однако судили не каждого причастника, а только тех, на кого падало подозрение в нечистой и нечестной жизни. Эти собрания проводились с целью призвать грешника к покаянию, а если он не хотел менять своей жизни, отлучить его от Чаши, потому что не может причащаться тот, кто, словно Иуда, не отказывается от своих дурных планов и намерений.

Но вот – некто Петр. В прошлом – рыбак, семейный человек. Он тоже был на Тайной Вечере и причастился от рук Спасителя. Петр пламенно обещал и клялся, что останется со своим Учителем до конца и ничто не устроит его. И всего через несколько часов друг за другом случились странные события: Петр мужественно бросился защищать своего Наставника с мечом в руках, не испугавшись вооруженной стражи, а потом отсекся трижды, напуганный служанкой. Знал ли об этом Христос? Знал. И причастил Петра.

Не только Господь знает немощь нашу, но и наши братья и сестры знают это слишком хорошо. Все мы грешны, и все мы падаем, и мужества в нас не больше, чем у Петра. Но Господь верит в нас, сколько бы мы ни оступались. Поэтому к причастию допускают и тех, кто еще не совсем поборол свои страсти, но сражается за свою любовь, укрепляясь в этой борьбе Евхаристией. Потому что Евхаристия – это лекарство бессмертия, лучшее средство против греха и порочных привычек.

Мы живы доверием Бога и доверием братьев.

Чаша Причастия – это Чаша доверия.

ВТОРАЯ СЕДМИЦА

Белые субботы

Субботы Великого поста – это не совсем постные субботы. Во-первых, они белые. Белые субботы. В Церкви большое значение имеет цвет облачения. Это хорошо заметно Великим постом: в будние дни – черные одежды священников, в воскресные – фиолетовые. В воскресенье вечером в «правильных» храмах можно увидеть, как батюшка и дьякон меняют свои ризы с фиолетовых воскресных на черные постовые после чтения «Сподоби Господи». А ведь это всё неспроста.

Черный цвет – не наш, не родной, не православный. Это цвет-эмигрант, говорящий с западным акцентом. Впервые черные облачения появились у нас в 1801 году: Синод предписал священникам отпевать императора Павла в черных ризах. До этого времени черные облачения были вне закона, как вне закона был черный цвет на иконах, и даже обыденное облачение священников и монахов было чаще всего коричневого или темно-серого цвета. Монахов называли чернецами или черноризцами, что еще не означало, будто иноки ходят в черном. И все-таки черный цвет у нас прижился, правда, мы «провели с ним разъяснительную работу», и теперь он не знак мрачного настроения, уныния, тоски по усопшему – это всё не наше, не христианское. Черный – цвет постной сдержанности, готовности к труду, это униформа аскета, а значит, рабочий цвет, веселый.

Православие – религия Пасхи, а Пасха – это победа над смертью, неизбежное и окончательное истребление смерти как таковой. Поэтому нашим естественным знаком траура никогда не был черный. Собственно, и траура у христиан не бывает и быть не может. Что у нас есть, так это символика *перехода через смерть*. Каждое событие перехода или вторжение вечности во время, или же времени в вечность означивают таинственной белизной. Белый цвет вбирает в себя все цвета, всю полноту цветовой гаммы

и указывает на оглушительную бесконечность, безбрежность и полноту новой жизни.

Вступая в Церковь, мы проходим через добровольное соучастие в смерти, погребении и воскресении Спасителя, что означает не только троекратным погружением, но и белыми ризами крестящего священника.

Венчают в белом. Создавая семью, ты умираешь для прежней жизни, иначе не появится новая. Об этом знает не только Церковь, но и древность многих народов, составившая погребальные песни, которые пели невесте перед свадьбой. Таков был древний обычай отпевания девства, оплакивания детства.

Цвет облачения новорукоположенного священника – белый. Потому что умер прежний человек. Родился новый, венчанный с Церковью, обрученный пастве, церковному народу, обреченный и отданный на жертвенное служение людям. Был просто Александр, Саша – сын, муж, папа, теперь – отец Александр – строитель таин Божиих, служитель Евхаристии, молитвенник, утешитель и ходатай народа Божьего. Чтобы родился отец Александр, надо позволить умереть просто Александру. И символ этого умирания и возрождения – белый цвет священных одежд.

Таинственные события Богоявления, Преображения, Вознесения – служат в белом. Там, где вечность прорвалась во время, осветила нас своим Невечерним Светом, одарила неземным покоем и утешением, везде ее следом и свидетелем – белый цвет.

Троица – день рождения Церкви. Следующий день – день Святого Духа. Служат в белом. Потому что – «се, творю всё новое» (Откр. 21:5), и Церковь – свидетель той удивительной полноводной жизни нового неба и новой земли, ради которых нас сотворил Отец. И в сиянии белого цвета идет пасхальный крестный ход, этим белым победоносным цветом и дерзновенным кличем «Христос воскрес» открывающий церковные двери.

Белое облачение – облачение поминальных суббот. Родительские субботы вовсе не день печали. Богословие белого цвета лечит наши глаза. Говорит, показывает и без слов доказывает нам, что смерти больше нет, а значит, нет и мертвых. Мертвых нет, есть только живые, и те, кто прошел сквозь смерть, – не умерли. В поминальные дни мы их окликаем, озвучиваем их имена, освежаем свою память. Через молитву, освещенную и освященную чистым белым цветом, мы снова видимся и слышимся. Ничего не разглядишь в этой бесконечной белизне, но можно расслышать друг друга. И наши близкие, перебравшиеся на тот берег, не бросают нас, и мы не можем их забыть и подаем им весточку, лишь только разольется по церкви утешительная снежная белизна перехода.

Белые субботы – для утешения.

Белые субботы – для молитвы.

В белую субботу воскресил Господь Лазаря, и однажды в снании чистойшей белизны разбудит нас, укутает в белый свет, понесет на Своих руках. Взял Он в Свои пречистые рученьки мою бабушку, подхватил Леночку, прижал к груди Светочку. Всех Господь утешил, всех принял, кого я поминаю по именам, чьи лица запомнил, чьи руки и молитвы чувствую и сейчас. Придет и для меня день белого света. Увижу Отца, увижу всех вас, дорогие мои, хорошие, белые люди. И утешит нас Господь. И отрет всякую слезу от очей наших.

ТРЕТЬЯ СЕДМИЦА

Грех вежливости

Каждое воскресенье в девять утра всех учеников школы собирали в классах. Целый час с девяти до десяти был отведен для писем домой. Каждый ученик был обязан написать письмо. Каждый! По рядам ходил директор, учителя зорко наблюдали за мальчиками, заглядывали в листочки, помогали малышам справиться с конвертами. Это был один из многих докучных ритуалов школы святого Петра, в которой учился будущий британский писатель Роальд Даль. Его память о школьных годах пронизана болью, потому что «лучшие в мире школы» отличались жестокостью телесных наказаний и поддерживаемой учителями дедовщиной. Однако английские школы еще в начале XX века, когда там учился Даль, имели важное преимущество: здесь понимали важность привития некоторых нужнейших навыков и умели их прививать, несмотря ни на что.

Навык писать письма родным остался с Роальдом Далем на всю жизнь. Навык – это нечто искусственное, привнесенное, намеренно и сознательно поставленное, некий рефлекс и итог длительной и направленной тренировки или дрессировки. Постановка навыка невозможна без принуждения, а значит насилия, навязывания. В школе святого Петра детей заставляли писать письма, как их заставляли быть учтивыми, тактичными, почтительными к старшим, внимательными к своим обязанностям, и провинности карались очень сурово. Ни в коем случае не оправдываю жестокость и принимаю доводы критиков, которые могут предъявить целый «букет» убедительных доказательств, подтверждающих, что все эти школы и вся их вежливость были сплошным лицемерием и обзалошкой.

Однако вот такой ряд: *услужливость, предупредительность, учтивость, любезность, деликатность, почтительность, тактич-*

ность. Это слова, которые почти не встречаются в нашем словаре аскетики. Если уж быть откровенным до конца, эти слова и в нашей обыденной церковной речи не часто встретишь, а уж то, на что они указывают, и вовсе редкая и пугливая птица в наших краях. Тем не менее, они описывают свойства, которыми жизненно необходимо овладеть христианину, и я уверен, что эти понятия давно пора ввести в свод христианских добродетелей. Это положение может быть, а значит, должно быть оспорено.

– Зачем христианину быть вежливым, услужливым, предупредительным и, прости Господи, любезным? Во-первых, это всё – лицемерие, это не искренне. Уж лучше быть грубым, но честным и прямым, чем врать о себе и прикрываться личиной доброты. Это свойства внешние, поверхностные, а нас отеческие книги учат стяжать внутренние добродетели. Вежливость – это нечто душевное, а отцы нас зовут к духовному.

По поводу отеческих книг согласен полностью. Признаю. Однако эти книги написаны подвижниками высокого уровня для своих последователей. Высокий уровень добродетели не утруждает себя разговором о начальных ступенях самовоспитания. Если Евангелие ставит перед нами задачу научиться любить людей, которые находятся рядом с нами, было бы слегка самонадеянным замахиваться сразу на мистическую всепоглощающую любовь, «агапэ», любовь предельного самопожертвования и самоотречения, которой достигают немногие труженики. И стяжанию этой подлинной любви и человеколюбия служат все наши духовные упражнения, освоение смирения, кротости, послушания и молитвы.

Так думал и я в своей монашеской юности. И пытался найти богословское обоснование тому хамству, которое постоянно наблюдал в церковной среде, сам к этому хамству причастный. Были монахи, которые доказывали мне, что вежливость – это почти грех, уж по крайней мере, что-то очень лукавое и опасное. Да и сам я был хорош. Мне, например, казалось, что гораздо правильнее ко всем обращаться на «ты», будь ты хоть втрое меня старше, ведь к Богу мы в молитвах говорим «Ты». Чуть позже до меня дошло, что это особенность славянского языка, в котором просто нет обращения на «вы», как в современном английском нет настоящего «ты».

А потом неожиданно разразилась «революция стыда», которую во мне произвели две случайные фразы. Как-то раз моя мама ненароком обронила, что она безумно любит шоколад. Сказала и забыла. А я не спал всю ночь. Мне было стыдно. Я прожил почти тридцать лет и ни разу *не заметил*, что любит моя мама, чем она живет, что ее волнует. Почему я был таким невнимательным? Это был первый удар. Второй нанес апостол Павел. В послании к Римлянам, которое я привычно перечитывал, меня

молнией пронзила заповедь: «*Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почительности друг друга предупреждайте*» (Рим. 12:10). Эти слова до сих пор не могу читать без внутреннего волнения. Братолюбие с *нежностью*! Апостол призывает к нежности, то есть к вниманию к другому человеку, искреннему и сердечному сочувствию, а значит уязвимости. Это невероятно! Апостол учит нежности! Более того, он ее заповедует!

Мне пришлось отложить на время свои аскетические книги и заново переучиваться, и к этому я даже агитировал братию монастыря. Мы начали с того, что учились просто здороваться и благодарить. Это первое и важнейшее духовное упражнение. Хочешь научиться братолюбию с нежностью, следует освоить непростой *навык замечать людей*. Заметить человека, обрадоваться ему – это сложнейшее искусство. Оказалось, что приучить себя внятно и приветливо говорить «Доброе утро» не так уж и просто. Нужна сноровка, поставленный навык. Во-первых, человека нужно *увидеть*, а для этого глаза следует приучить к особого рода вниманию. Смотреть прямо, приветливо, научить лицо улыбаться, заметить человека – это навыки духовного порядка, они требуют труда и постоянства.

Своим ученикам я даю задание каждое утро, проснувшись, подойти к зеркалу, улыбнуться и сказать, как говорю себе я:

– Савва, ты добрый и веселый!

И запомнить это настроение. Потому что улыбка, приветливый и внимательный взгляд – это и есть ваше настоящее лицо, и лицу следует напоминать о его естественном состоянии. Работая с телом, мы воздействуем на душу. Лицо может разбудить и личность. Есть тут опасность лицемерия? Непременно. Любое хорошее дело можно извратить. Люди в этом занятии большие искусники, что нимало не бросает тень на правоту идеи. Злоупотребление не отменяет употребления.

После того, как вы научитесь замечать людей и приветствовать их, надо ставить навык внимания к труду человека. Приучить свое внимание замечать не только человека, но и его труд – без этого вы никогда не научитесь говорить «спасибо» и «благодарю». *Замечать труд* – это настоящее духовное упражнение и, если угодно, духовная брань, потому что просто этот навык не дается. Надо потратить много времени и сил на его освоение, и счастливы те, кому эти способности привили в детстве.

Заметить труд – еще не всё, надо показать, что вы его заметили. Люди очень нуждаются в ободряющем взгляде другого человека, и простое «спасибо» порой спасало человеку жизнь. Доброта и нежность должны удивлять. Потому что быть добрым,

внимательным и учтивым – огромный труд, и поэтому я всегда удивляюсь и ликую, услышав обычное «спасибо».

Мама звонила Роальду Далю каждую неделю в условленный день. Однажды она позвонила в неурочный час. Они весело поговорили, обменялись нежными словами, как обычно приправленными шутками и остротами. Через несколько часов Даль узнал, что мама умерла в одной из больниц. Она звонила попрощаться, но как истинная леди, не хотела, чтобы сын запомнил ее грустной и измученной. А спустя месяц от мамы пришла посылка. В ней оказались перевязанные зеленой тесьмой шестьсот писем Роальда Даля своей маме, которые она бережно хранила все эти годы. Каждое письмо в своем конверте, со всеми марками и штампами.

Час в неделю был отведен письмам. Дети сопротивлялись, но ничего поделать не могли. Силы были неравны. Эта привычка так въелась в школьника Роальда Даля, что он уже не мог не писать письма родным. Но этот навык, навязанный школой, сблизил сына с матерью. Вежливость, услужливость и предупредительность – сближают людей, это труд единения, слияние жизней. Церковь – единый организм любви. Церковь должна сближать людей, поэтому люди верующие по определению должны быть добрыми, внимательными и вежливыми.

Религия очень удобна для оправдания эгоизма и богословски обоснованного хамства. Но если мы ищем единства взаимной любви, мы должны бежать от эгоизма и грубости, какими бы авторитетами они ни прикрывались. И даже неискренность вежливости не должна нас отпугивать от духовного труда. «Как бы ни проповедали Христа, – писал апостол Павел, – притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться» (Флп. 1:18).

Если берешься за новое дело, позволь себе право на ошибку, не бойся ошибиться или допустить промах. Вежливость и предупредительность тоже бывают притворны и лицемерны, но даже в таком виде они стоят дороже жестокости и безразличия. И главное. Если вы принимаетесь осваивать аскетические опыты святых отцов, но упустите ступень вежливости и предупредительности, ничего из вашей аскетики не выйдет, кроме надрыва и разочарования.

Оптинские старцы говорили, что настоящий монах в общении с людьми ничем не отличается от благовоспитанного светского человека. Один старый монах рассказывал, что его монашеское образование началось с того, что старцы учили его правильно ходить, правильно смотреть, быть учтивым и сдержанным в разговоре, не опаздывать и так далее. Сам молодой послушник задавался вопросом: «А когда же будет умная молитва?» Ты можешь никогда и не получить дара непрестанной молитвы. Го-

сподь с тебя этого не спросит. Но каждый человек, опаленный твоим невниманием и жестокостью, каждый *не увиденный* тобой человек – свидетель против тебя на суде Бога-Человеколюбца.

Заложники совести

Наш старинный регент проявлял интерес к церковному уставу только в особые «священные времена». Первое воскресенье Великого поста – один из немногих дней в году, когда он брал в руки толстенный фолиант, глубокомысленно его раскрывал на известной странице и торжественно зачитывал настоятелю:

– На трапезе же ядим варение со елеем, а не рыбы. Аще же прилучится, прием вино, уставленное во славу Божию по две чаши. Такжеде и в вечер по две.

Все это читалось с ноткой отеческого укора и благочестивого негодования – вы, отец настоятель, пренебрегаете церковным уставом, как вы думаете спасти свою душу и на что вы рассчитываете, я не знаю, но никогда не поздно все исправить. Чаше всего настоятель выбирал путь спасения, и регент одаривал благодарным и покровительственным взглядом и батюшку, и старинную книгу. Книга называлась Типикон. Это и есть тот самый документ, по которому выстраивается дисциплинарная и богослужебная жизнь Русской Православной Церкви.

Типикон – это, прежде всего, устав церковной службы. Как совершать богослужение, какие петь песнопения, что читать из Апостола и Евангелия – всё там. Однако, Типикон – это книга, которая окончательно сформировалась позже всех богослужебных книг. В Русской Церкви существовало множество уставов и дисциплинарных и богослужебных, и это было нормой для церковной старины. С тех древних времен у нас и водится пословица «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Каждая обитель имела свой устав церковной службы, свой устав поста. Сегодня нам даже трудно это представить, но так жили наши предки большую часть церковной истории. Монастыри были очагами просвещения, они могли себе позволить и писать, и записывать. Поэтому не удивительно, что до нас дошли только монашеские уставы. Типиконов приходских церквей у нас практически нет.

Книга Типикон, по которой выстраивается жизнь Русской Православной Церкви, тоже является монастырским уставом. Только это не устав какого-то конкретного монастыря, а свод правил, заимствованных из множества различных уставов, претерпевших неоднократную правку редакторов. Первый печатный Типикон был издан в России в 1610 году и потом на протяжении XVII века он переиздавался семь раз, всякий раз подвергаясь безжалостным исправлениям. Тот устав, которым пользуемся мы

сегодня, приобрел свою окончательную форму в издании 1682 года. Позднейшие версии мало чем от него отличались.

Большая часть Типикона посвящена богослужению. Этот аспект устава интересен узкому кругу клиросных эрудитов. А вот дисциплинарный раздел Типикона касается каждого из нас, особенно в той части, где содержатся предписания о посте.

Откуда вы знаете, что в первую неделю поста установлено сухоядение, а рыба постом разрешается только на Вербное и в праздник Благовещения? Кто вам сказал, что в субботу Лазареву предписывается рыбная икра, а в воскресные дни дозволяется вкушать с маслом? Большинство верующих об этих тонкостях знают из церковного календаря. А как эти предписания попали в календарь? Правильно. Из Типикона. Подозреваю, что со знакомства с этой книгой у некоторых товарищей наконец-то созрел образ личного врага.

Продолжаем разговор. А откуда эти правила попали в Типикон? Официальный ответ: от святых отцов. Почему официальный? Потому что апелляция к святым отцам сразу замораживает дальнейшее исследование и взывает к покаянию. Однако свод дисциплинарных правил – это не творение святых отцов, по крайней мере, канонизированных святых. В современный Типикон постные законы перекочевали из свода правил, составленных Никонем Черногорцем, авторитетным канонистом XI века. Если вы думаете, что Никон канонизирован, вы сильно ошибаетесь. Хотя, на самом деле, это не так уж и важно. А вот что важно, так это понять сам принцип постной дисциплины, чтобы раз и навсегда разобраться в этом вопросе и бросить винить себя в том, чего нам никто не предъявлял.

Для кого писал свои правила Никон Черногорец? Для монахов. Для монахов какого монастыря? Если вы наберетесь терпения и откроете Типикон, по которому якобы живет Русская Православная Церковь, вы найдете там массу правил, относящихся к жизни неизвестного мужского монастыря. Там, в частности, сообщается о том, когда следует отставлять жезлы на богослужении, как трудиться на общих послушаниях, где получать одежду, как себя вести на трапезе. Рядом с этими правилами находятся и предписания о посте. Вот что я хочу сказать: если вы не монах этого мужского монастыря, никто не смеет вам предъявлять строгость их постного устава.

Великий пост – общецерковное дело. Если вы православный человек, вы обязаны соблюдать Великий пост, то есть предаваться вместе со всей Церковью особым духовным упражнениям, связанным с подготовкой к Пасхе Крестной и Пасхе Воскресения. При этом никто не смеет требовать от вас соблюдения бук-

вы Типикона. Вы должны сами найти для себя возможную меру поста. Труд по самостоятельному поиску этой самой меры – дело непростое и требует времени. Первые три поста – учебные. Хотя в моем случае оказалось, что первые двадцать пять постов были учебными, и я не могу поручиться, что освоил предмет.

Почему я на этом заостряю внимание? В нашей Церкви я наблюдаю явление, которое меня глубоко огорчает. Назову его так – *заложники совести*. Такими заложниками является большинство русских православных людей. Они не знают, им никто не рассказал, что Типикон – это, на самом деле, *памятник* литургической мысли и регулирует он нашу церковную жизнь весьма условно. К созданию нового современного Типикона, понятного и логичного, наша Церковь, видимо, не готова. Но многие просто и не слышали о такой книге.

И клонят люди молчаливо головы, как овечки – положено, значит, надо выполнять. А выполнить – невозможно. Это устав для мужского монастыря, а вы – не монах, а даже если и монах, то живете в другом месте и в другое время. И этот жуткий надрыв рождает серьезные эмоциональные проблемы, так что человек начинает отождествлять свой личный и неустранимый комплекс вины с верой православной. Точно также мы путаем богомыслие с самокопанием, наглость с простотой, забитость и трусость со смирением, жестокость с благочестивой ревностью, самодурство с духовничеством.

В юности я очень любил эпитафии, и к этому разговору у меня тоже был припасен один из Венечки Ерофеева. Все болезни нашей церковной жизни в одном предложении: «Все должно быть медленно и неправильно, чтобы не возгордился человек, чтобы он был грустен и растерян».

Это не Православие. Православие – религия Пасхи, радости и полноты жизни. А я все чаще встречаю православных, которые признаются, что были бы счастливы никогда не слышать о Церкви. И это не из лени и небрежения, а от простого недоразумения, которое можно и нужно устранить.

Быть православным не значит быть виноватым.

Поститься не означает стать заложником совести.

Пост – это честь быть причастным всецерковному подвигу.

Как быть? Простым верующим – посмеяться над своими страхами и взять на себя труд самим «изваять» свой устав поста, ориентируясь на Типикон. Да-да, я не оговорился, Типикон – книга святая и полезная, и если он рекомендует своим типиконным монахам сухоядение, значит, и нам следует этот день как-то выделить и отметить. Может быть, и не сухоядением, но какой-то маленький подвиг по силам следует понести. Не надо обольщаться.

Сегодня мы знаем о свойствах продуктов питания гораздо больше, чем наши предки. Это знание плюс самонаблюдение с ориентиром на Типикон и дают тот самый личный и законный устав поста для мирянина.

Мы себе можем это позволить. Ведь даже в общецерковном документе о посте, принятом в Шамбези в 2015 году, нет определения тому, что считать постными продуктами. Для каждой местности и возраста они свои. Однако церковным богословам и иерархам надо бы найти силы и пастырскую волю объясняться с людьми, может быть, издавая не только пасхальные, но и великопостные послания, разъясняющие не только высокий смысл поста, но и его недоумения. Жить и так не просто, а мы еще и накладываем на людей «бремена неудобноносимые», которых никто от нас и не требует нести.

И, в конце концов, не пора ли дать задание нашим богословам разработать современный работающий и соответствующий церковной реальности Типикон? Не Церковь для Типикона, а Типикон для Церкви. Не люди должны служить книге, слепо и с запретом на критическую мысль и понимание, а книга должна служить на пользу людям, должна работать. Служебная книга, даже самая уважаемая, должна служить. Типиконопоклонство, как и любой другой вид идолопоклонства, всегда требует человеческой крови, и судьбы заложников совести тому пример.

Если мы принимаем с предельной серьезностью тот факт, что пост – это дело всей Церкви, то мы никак не можем оставлять решение постных вопросов полностью на совести отдельного человека. Допустим, я, «премудрый и разумный», разобрался со своей проблемой «заложника совести», хотя мне и пришлось дорого за это заплатить. Но ведь есть люди, которые так и продолжают жить в этом режиме вечно виноватого, всем должного и обязанного, во всем ошибающегося, непрестанно оступающегося человека. Простой вопрос: как человек с этой исходной установкой будет горячо и радостно свидетельствовать об Истине Христова Благовестия? Способен ли такой христианин смело и решительно влиять на события в стране, изменять жизнь к лучшему, заражать других своим неиссякаемым жизнелюбием и любознательностью? Если у него нет сил даже на то, чтобы благословить собственную жизнь.

Грешные ингредиенты

У бабушки Кати каждый пост предварялся торжественным ритуалом закупки селедок. Были такие толстенные селедки в металлических банках. Вкусные-е-нные! Селедки на пост. Строго держалась первая, крестопоклонная и Страстная, в остальные

дни – как получится. Так бабушку Катю воспитали родители, которых она схоронила еще до революции. А потом пришли «комсомольцы» и начали бабушку перевоспитывать. «Комсомольцы» – это не молодежь тридцатых. Таким именем окрестили нас, пришедших в Церковь в девяностые. Нас было много. Точнее, нас было больше, и мы всё схватывали на лету. Поэтому не удивительно, что очень быстро «комсомольцы» взялись за перевоспитание старых прихожан и священников.

Мы жадно читали книги и уставы и доказывали бабушкам и старым батюшкам, что так служить нельзя, вы же тут сокращаете, нельзя петь эти ваши партесы – это не православное, нельзя допускать до причастия этих людей – они не были на вечерне. Больше всего доставалось селедкам. Их отлучили от Церкви первыми. Какая рыба Великим постом! Не у всех прошел этот «комсомольский» задор. Однако повзрослели многие. Повзрослели и поняли, как важно было приобщиться к настоящей церковной культуре, брать уроки у старых священников, присмотреться к тем дедушкам и бабушкам, которых мы так рьяно взяли обличать.

Это были люди церковной культуры. В их среде было неприлично говорить о постных продуктах или о том, как кто держит пост. Это было дурным тоном. Представляю, сколько пошлости они бы увидели в этикетке «Постный майонез» и в наших спорах, есть ли в шоколаде молоко, а в батоне маргарин. Они не читали исторических источников и богословских трактатов, но как-то интуитивно понимали унижительность этого гастрономического богословия.

Правила мирянского поста не существует. Нет устава поста для мирян. Есть обычай. По этому обычаю и жили люди церковной культуры. Им хватало. Как жили до них христиане в разных странах, в разных эпохах, держась своих местных обычаев.

Не люблю длинные цитаты, но одну все-таки себе позволю. Очень важный текст. Его автор, Сократ Схоластик, жил в пятом веке. Он написал «Церковную историю», в которую включил очерк о том, как держали Великий пост в его время. Читайте внимательно:

«Ни одно вероисповедание не держится одних и тех же обычаев, хотя имеет одно и то же понятие о Боге. В отношении к обычаям даже и единоверные разногласят между собою. Посему не уместно здесь кратко предложить нечто о разности обычаев в разных Церквях.

С самого первого взгляда легко заметить, что посты перед Пасхой в разных местах соблюдаются различно. Именно, в Риме пред Пасхой постятся непрерывно три недели, кроме субботы и дня Господня. А в Иллирии, во всей Греции и Александрии держат пост шесть недель до Пасхи и называют его четырьдесяти-

цей. Другие же начинают поститься за семь недель до праздника и, хотя исключая промежутки, постятся только три пятидневия, однако свой пост называют также четыредесятницей.

Удивительно для меня, что те и другие, разноглася между собой в числе постных дней, называют пост одинаково – сорокадневным, и представляют особые свои основания для объяснения его наименования. Притом видно, что разногласие их касается не только числа постных дней, но и понятия о воздержании от яств; потому что одни воздерживаются от употребления в пищу всякого рода животных, другие из всех одушевленных употребляют только рыбу, а некоторые вместе с рыбой едят и птиц, говоря, что птицы, по сказанию Моисея, произошли также из воды. Одни воздерживаются даже от плодов и яиц, другие питаются только сухим хлебом, некоторые и того не принимают, а иные, постясь до девятого часа, вкушают потом всякую пищу.

Таким образом, у разных племен бывает различно, и представляются на то бесчисленные причины. И так как никто не может указать на письменное касательно сего повеление, то явно, что Апостолы предоставили все это воле и выбору каждого, чтобы всякий делал доброе не по страху и принуждению».

Чем важен для нас этот текст? Во-первых, это один из немногих памятников, который описывает традиции благочестия мирян. Большая часть уставных положений, которые у нас есть, – это монашеские уставы. Собственно, и наш современный Типикон – это устав мужского монастыря. Но Русская Православная Церковь – это не мужской монастырь. У нас даже монахинь больше, чем монахов. Поэтому мы не можем требовать от всех православных людей исполнения правил абстрактного типиконного монастыря.

Во-вторых, Сократ признаёт за каждым народом право самому разобраться, как поститься, сколько времени, какие продукты считать постными. Это законное право каждого народа. Во времена Сократа в некоторых традициях птицу приравнивали к рыбе, как потом средневековые уставы относились и к кроликам, а ирландские монахи без зазрения совести охотились на морских котиков. Для них это была разъевшаяся рыба: вот что бывает с селедкой, если ее вовремя не выловить.

Что русскому хорошо, то немцу смерть. На Кавказе пьют вино, но не встретишь пьяницу, как и во Франции, а для русского человека этот напиток более опасен. Народы севера, как и индейцы, едва не погибли всеродне, потому что наша водка воздействует на них иначе.

В это сложно поверить, но молоко тоже может быть постным продуктом. Это зависит от местности и от традиции. И от вашего здоровья, конечно. Мир изменился, и сегодня мы не всегда

знаем, что принимаем в пищу. Но дело ведь даже не в этом. В определении постного стола важно учитывать два момента: цену и воздействие на организм. В этом смысле каша на молоке может быть более постным продуктом, чем наши изысканные грибы и безвременно почившая стерлядь. Или греческие оливки, привезенные по большому знакомству вместе с израильским хумусом. Это дорого. Это экзотика. Какое отношение экзотика имеет к посту? И можно ли считать постными продуктами капусту и фасоль, если от них люди превращаются в петарды? И не только в переносном смысле.

Постом человек должен больше думать о Боге, меньше о еде. Значит, и еда должна быть такой, чтобы за ней не надо было ухаживать, как за капризной и недоступной девицей. Купил. Приготовил. Поел. Работаем. Пища должна быть дешевой, доступной, питательной и не губить волю к жизни. Кто видел постную манную кашу, тот понял, о чем я говорю. Поэтому, если вы приготовите что-то, добавив молоко или яйцо или даже куриный бульон, ничего страшного не вижу. Главное, все должно быть скромно и просто. Считается, что такие вещи нельзя говорить русским, ведь русский человек склонен к крайностям. Однако, мне кажется, это всё не о русских людях, а о людях плохо воспитанных. Пост всегда проходит под знаком меры и сдержанности. Пост должен воспитывать эту сдержанность. Сдержанность, но не паранойю по поводу «грешных ингредиентов», обнаруженных на этикетке.

Богу нет дела до того, что мы едим. Если это, конечно, не кровь младенцев и не мясо панды. Воздерживаемся от пищи мы для себя, для собственной пользы, для духовного упражнения. Поэтому и старец Павел (Груздев) своим чадам часто повторял: «За еду никто не бывает в аду».

Пост, его структура, динамика, качество или перечень продуктов не являются предметом догматики, то есть вероучения. Это вопрос, связанный, например, с географией, этнографией, историей и традицией этого конкретного общества, живущего в конкретном месте и в конкретном времени. То, что является самоочевидным и приемлемым для грека, выросшего на берегу теплого моря, не подходит для жителя Крайнего Севера, с детства скучающего по солнцу и теплу. Если мы мыслим свою веру как вселенскую, то есть готовую быть принятой всем человечеством во всем многообразии его культур, рас, народов, языков и обычаев, нам следует формулировать догматы и каноны своей веры также вселенски приемлемо. У нас получается всё наоборот: мы мыслим свою веру очень мелко, как мировоззрение маргиналов, которое по своим размерам не подходит всему человечеству.

Рассказывают, что академик Курчатов в новом институте никак не давал прокладывать пешеходные дорожки. Он выжидал и наблюдал.

– Пусть люди сами протопчут, а мы потом выложим эти дорожки плитами.

К традициям следует относиться бережно и осторожно. Но нередко я видел, как люди прокладывают свои тропки, а выложенные начальством тротуары зарастают травой. Пост для человека, а не человек для поста. В определении постных уставов следует трезво и реально смотреть на вещи, не выдумывая себя и прихожан, а внимательно присматриваясь к тем, кто рядом.

А буквоеды пусть едят постом буквы.

Завтрак буквоеда

Наш главный клиросный бас каждый пост вспоминал свой любимый анекдот:

Тюрьма. Со звоном откидывается окошко в камеру. Охранник толкает внутрь обед. Заключение обиженным голосом:

– А где мясо? Мне ж положено.

– Положено – ешь.

– Так тут не положено.

– Не положено – не ешь.

Певчего мы не перебивали, хотя историю эту слушали уже двадцатый раз или двадцатый пост. Смешно рассказывал. Актуально. Злободневно. Потому что рядом стояли с грустными лицами «мученики поста», жертвы Типикона. Точнее, не Типикона, а недоразумения и испуга по поводу Типикона. Исцелить этот испуг очень сложно. Когда человек долго страдает по непонятной ему причине, наступает момент, когда он уже не может не страдать, для него это естественное состояние, тесно сплавленное с его религией. Ему просто нравится страдать. А у вас, пытающегося что-то объяснить, облегчить человеку жизнь, накапливается усталость и недоумение: а надо ли за этого человека бороться? Надо.

Видимо, преподобный Феодор Студит тоже испытывал усталость, когда объяснял одной игуменье принципы поста. Настоятельница обратилась к старцу с письмом, в котором просила разъяснений относительно постного устава. Но преподобный отказался давать ей указания, напомнив два важнейших момента: как игуменья она должна придерживаться устава своего монастыря; и снова: как игуменья ей принадлежит право вводить или отменять порядки в обители.

Монастырь – семья, он живет и развивается в логике семьи, с той лишь поправкой, что монашеская община создана по образцу

семьи, а не семья по образу монастыря. В чужой монастырь со своим уставом не ходят, как не ходят со своим уставом в чужую семью. Для нас это письмо преподобного Феодора является под- сказкой, как правильно держать пост, согласно какому уставу. Во-первых, согласно уставу вашей семьи; во-вторых, глава се- мьи или «духовный собор» может корректировать этот устав. Вы можете, например, соблюдать предписания Типикона. Это ваше право. Это свободная страна. Только ответственность за духов- ное и физическое здоровье детей и домочадцев будет целиком и полностью на вас, на главе семьи или на старших. Если по причи- не безрассудного соблюдения поста, изуверского и непосильного запощевания, ваша жена сляжет в больницу, а дети возненави- дят Церковь и Бога и станут циниками или революционерами, виноват не Типикон, а глава семьи.

По логике семьи устроен не только монастырь, но и приход, и даже епархия. Поэтому в древности, точнее, большую часть церковной истории в каждом монастыре, а значит, в каждом при- ходе и семье был свой устав поста, сообразный традиции и силе. Потому что золотой добродетелью у святых отцов считалась рас- судительность, и подвиги на себя люди принимали не потому что положено, а по силам и здравому рассуждению. Христиан- ство не требует ампутации здравого смысла.

Исследователи христианского средневековья говорят о том, что в эту красивую эпоху у каждого монастыря существовал свой устав не только пощения, но и богослужения. Однако преобла- дали три наиболее влиятельных направления: студийское, афон- ское и палестинское. Подчеркну – монастырские направления, не мирянские, о мирянских нам известно слишком мало, однако ясно, что последние полторы тысячи лет человечество провело не только в монастырях.

Студийский устав был наиболее снисходительным. Напри- мер, в субботы и воскресенья поста было «разрешение на вся», то есть ели всё, включая сыр и яйца, а мирянам и того больше. Принцип поста у студитов сильно отличался от современного по- нимания: пост не в количестве и качестве, а во времени. Студиты делали акцент на времени – целый день ничего не ели, а к вече- ру разрешалось вкушать всё. Это несколько напоминает принцип поста в исламе, который мусульмане, возможно, заимствовали у восточных христиан. Для студитов цель поста не в изнурении тела, а в выстраивании гармонии между душой и телом. Утеши- тельная особенность: мирянам, ориентировавшимся на устав сту- дитов, разрешалось вкушать сыр и яйца Рождественским постом. Люблю студитов! Хочу к студитам!

В основу афонских уставов тоже были положены принципы студийского монастыря, но афонский вариант чуть строже, хотя и мягче нашего Типикона. Например, рыбу постом разрешалось вкушать не только в Благовещение, но и в дни накануне и после праздника. В уставе преподобного Саввы Сербского даже есть приписка: рыбу едим на второй день Благовещения, если останется. Какая милая простота!

Палестинское направление – самое строгое. На нашей земле иерусалимские уставы стали заявлять о себе с конца XIV века. До этого времени наши предки ориентировались на Студийский устав. Никон Черногорец, чьи постные рекомендации и вошли в наш Типикон, принадлежал к палестинской школе, но даже его правила адресованы не мирянам, а монахам. Мирянам он только советовал, а не предписывал.

Как же выстроить устав своего постного мирянского монастыря? Возьмем еще одну подсказку от друга. На этот раз от преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, который жил в пятом веке. Вот как он советует выбирать для себя меру поста:

«Итак, касательно образа поста не может удобно соблюдаться одинаковое правило; поелику не у всех тел одинакова крепость, и соблюдается (пост) силою не одной души, как прочия добродетели. И потому, поелику он состоит не в одном мужестве духа, а соразмеряется и с силою тела, то касательно этого мы приняли такое определение, преданное нам, что различны должны быть время, способ и качество питания, именно по неодинаковому состоянию тел, или по возрасту и полу; но у всех должно быть одно правило укрощения плоти для воздержания сердца и укрепления духа. Ибо не для всех возможно соблюдать пост по неделям; некоторые не могут быть без принятия пищи более трех, или двух дней, а иным по болезни или старости трудно пробыть без пищи до заката солнечного; не для всех одинаково питательны овощи, или зелие, или сухой хлеб. Иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тягость, если съест фунт, или полфунта; но все воздержники имеют одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вдатся в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней, как и в утучненной плоти, вредоносный, греховный огонь» (Писания преподобного отца Иоанна Кассиана Римлянина. Перевод с латинского епископа Петра. М., 1892, С. 51.)

Это наставление преподобный Кассиан писал для монахов. Когда вы сверяете свой образ жизни с отеческими текстами, об этой важной мелочи нельзя забывать. Но если монастырь – это семья, значит, находки и наблюдения монахов вполне подойдут

первообразу, то есть обычной православной семье, подойдут не буквально, а как подсказка, проясняющая принцип.

Зачем нам копаться в этих древностях, делать исторические экскурсы и приводить цитаты? Тема поста – деликатный предмет. Вызывает не только споры и дискуссии, но и анафемы с проклятиями. И нам приходится сталкиваться не только с религиозным испугом, но и с открытой агрессией. Напор этой агрессии всегда был так резок и шумен, что церковная общественность со временем стала не просто оглядываться на ревнителей благочестия, пугающих расколом и анафемой, но и считаться с ними, ориентироваться на их мнение, подыгрывать им.

А почему, собственно? Кто эти люди, чтобы я должен был сверять с их невежественным мнением свою жизнь, отдавая им на откуп даже богословие? Эти люди так свыклись со своей непогрешимостью и ролью ревнителей, что не заметили, как сами превратились в объекты исследования. Мне как монастырскому уставщику приходилось неоднократно спорить с такими обличителями, отвечать на их кляузы. Но ведь и у меня могут возникнуть к ним вопросы.

Почему среди ревнителей так много людей, подверженных запоям?

Почему мужчины-охранители так люто ненавидят женщин и жестоки с животными?

Почему большинство «спасающихся» – это люди, несчастные в семейной жизни: плохие родители, конфликтные супруги, невнимательные дети?

Почему среди блюстителей благочестия так много страдающих депрессией?

Почему они зациклены на идее отступления, кары и конца света?

Почему они подвержены мании преследования и во всем видят подвох или заговор?

Почему встреченные мной ригористы всегда смотрелись так, будто они не могут себе простить, что живы?

Что это вообще за феномен – религиозный ригоризм? Наверняка он развивается по каким-то своим объективным законам, а значит, может быть описан, предсказан, предупрежден. Могу предположить, что один из его источников – перезрелый романтизм или выдохшийся идеализм. Может, мне попадались неправильные ревнители? Допускаю. Ревнитель – предмет исследования церковной науки, богословской социологии или психологии. Сегодня такой науки у нас нет, поэтому к моим рассуждениям и обобщениям следует отнести со здоровым скепсисом и недоверием. Однако даже если я преувеличиваю, такие люди не смеют

заявлять о своей монополии на церковное предание, им нельзя позволять делать погоду в Церкви и уж тем более не стоит подыгрывать им.

Лечение зеркалом

Сидели на совещании. Некто архимандрит Амвросий постукал карандашом по столу и решительно срезал:

– Федоровна, вы разве не видите, что с отцом Саввой невозможно сегодня что-нибудь решать. Вы на его лицо посмотрите – мировая скорбь!

Что не так с моим лицом? Далась им моя физиономия! Но что-то они там видят, пугаются – это точно! Вот подошла дама. Солнышко греет, скворцы поют, кошки улыбаются:

– Батюшка... Ой, я лучше в другой раз подойду.

Что-то спугнуло. И это что-то было на лице.

Случайно задел на компьютере тайные кнопки. Во весь экран – кислая физиономия: какой-то угрюмый мужик с «метафизической тоской» в глазах. Через секунду опомнился: это ж я! Вот как я гляжусь в этот мир, вот чем отпугиваю добродетельных дам.

А всё почему? Когда постишься, не смотри долго на то, что ешь – опасно для жизни. Если постишься, не бери глаза в свидетели. Картошка в кастрюльке выглядела озябшей и несчастной. Она умерла задолго до того, как ее сварили. Где прошло ее детство, бывает ли на свете солнце, есть ли чему улыбнуться в этом мире – не знала и забыла. Она зябла даже в кипятке. У нее не было сил принять в себя соль. Одной мыслью дышала кастрюлька: поскорее бы уж... Это не кастрюлька. Это братская могила обманутых надежд и увядших свершений.

«Стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой». Не удивлюсь, если эту мысль Альбер Камю подцепил, созерцая постную картошку.

Так у нас появляются постные лица. Постоликость в запущенной форме переходит в посторылость. Еще во времена Христа был замечен этот феномен, но его связали с лицемерием:

«Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры: ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6:16-18).

Постные лицемеры, признаюсь, попадались мне крайне редко. Пожалуй, я их и вовсе никогда не видал. Но посторылость наблюдаю повсюду. Чаще всего в зеркале.

Когда Спаситель призывает нас поститься с веселым лицом, чтобы свой настоящий постный вид сохранить втайне, для небесного Отца, Он вовсе не намекает на то, что Богу приятны кислые физиономии, хоть и показанные втайне, припасенные лично для Него. Если мы так понимаем евангельский текст, то должны признать, что Господь, обличая одно лицемерие, учит нас другому: представляться людям веселыми, тогда как мы на самом деле в «глубоком горе». Зачем же так плохо думать о Боге. Веселое лицо и есть настоящее лицо правильно постящегося человека, его «лицевой подлинник».

Не надо казаться, надо быть.

Пост – это подвиг, а подвиг – это весело. Поэтому лицо подлинно постящегося человека излучает ту «тишину неизглаголанную», которой светились лица наших чудесных старцев – преподобного Сергия, батюшки Серафима, старца Амвросия.

Один из самых чудесных гимнов, очень древнее песнопение второго века «Свете тихий» – как раз об этом. «Свете тихий» – «фотос илярос», что переводится не только как «тихий свет», но и «веселый свет». Тишину и живое веселье излучали лица настоящих подвижников. Не угрюмость и мировую скорбь, а радостное, ободряющее сияние. Вот и преподобный Феодор Студит о первых итогах поста:

*Постов пресветлую благодать приемше,
добродетельми облистаимся,
тихая лица,
тихия и обычаи показующе
душевного устройства.*

(Канон утрени вторника 3-й седмицы, 8-я песнь)

Настоящий и правильный пост – преображает лицо. Лицо христианина – это зеркало его духовного состояния. За своим лицом нужно следить. Лицом можно утешить. Лицом можно поранить.

– Не будет ли это лицемерием – следить за своим лицом? Если на душе пусто и угрюмо, зачем врать? Вот я такой – какой есть, таким и принимайте. Притворяться не буду, но и не пощажу.

Неправильно это. Зачем пытаться близких своим постным видом? Зачем себя пытаться постным лицом? Ведь к решению своих внутренних проблем можно пробиться не только изнутри, но и через тело, через подчинение тела правильному порядку. Исправление лица иногда помогает выправить личность. Но даже если вы не выправите личность, по крайней мере, никого не покалечите своим постным обличьем.

Есть лица физические, юридические, а случаются также и постные. Так еще в древности безобидное слово из религиозного

лексикона приобрело оттенок отрицательного или порицательного значения, который мы различаем до сих пор. Постное выражение лица – это какое? Подойдите к зеркалу и потренируйтесь. Отнеситесь к этому серьезно. Четко следуйте инструкции:

Раз. Подходим к зеркалу.

Два. Смотрим на свое отражение.

Три. Узнаём себя (не каждому это дается сразу).

Четыре. Делаем постное лицо.

Пять. Лицо становится более постным.

Шесть. Теперь – великопостное лицо.

Семь. Изображаем лицом уровень «Полное спасение».

Восемь. Рассмеялись и оставили зеркало в покое.

Улыбаетесь? А ведь я только что описал алгоритм эффективного духовного упражнения. Именно так. Отнеситесь к этому серьезно, потому что духовные упражнения требуют постоянства и навыка. Я бы рекомендовал это упражнение всем христианам на время поста. И не только. Клин клином вышибают. Смех – сильнейшее духовное оружие. Если вы подвержены периодическим «приступам благочестия» или «метафизической тоске», каждое утро напоминайте себе перед зеркалом о приближающемся религиозном «клине», посмейтесь над своим «спасительным выражением лица», чтобы это лицо никого не поранило в течение дня.

Предчувствие Пасхи

Крестопоклонную неделю Великого поста иногда называют средопостной, потому что хронологически это, действительно, середина поста. По традиции эта неделя считается строгой, и некоторые уставы советуют соблюдать её по образцу первой недели. В субботу на всенощном бдении в канун Крестопоклонной в храмах совершается красивейший обряд выноса Креста.

Перед вечерней службой Крест, украшенный цветами, кладётся на Жертвенник в алтаре, и священники с тихим пением и каждением переносят его на Престол. Тут Крест лежит всю службу, так что в некоторых храмах перед Крестом даже ставят красивую лампаду. То, что Крест находится всю службу на Престоле, влияет и на ход богослужения. Например, священники не выходят на полиелей для помазания, как это принято на обычной службе. Они не оставляют Крест и не покидают алтарь.

Самое интересное происходит в конце службы. Во время пения великого славословия, настоятель в полном облачении совершает каждение вокруг Престола и кладёт три земных поклона. Как только начнется пение «Святы́й Боже», батюшка снимает Крест с Престола и, держа его над головой, выносит из алтаря. Обычно Крест несут через северные двери алтаря, обнося вокруг

Престола, и проносят через весь храм, так, чтобы вернуться к Царским вратам перед иконостасом, где священник, поднимает Крест и говорит «Премудрость прости». Это старинный возглас, которым привлекается внимание молящихся к особо торжественному моменту богослужения. Современную версию этого возгласа можно услышать на архиерейской службе, когда протодьякон подсказывает священникам: «Отцы, молимся!», что не означает, будто до этого отцы не молились. Дьякон указывает момент, когда батюшки должны одновременно перекреститься и сделать поклон, чинно и красиво.

В храмах с традициями во время выноса Креста «Святой Боже» поёт весь народ. Это песнопение для всех. Никто не должен молчать. Как не должны молчать верующие и после «Премудрость прости» – батюшка поворачивается к людям и всех благословляет Крестом на три стороны. Народ отвечает единодушным пением тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя». Эта молитва поётся на первый глас, и если вы знаете, как спеть «Спаси, Господи, люди Твоя», вы уже освоили первый глас, поэтому пойте смелее.

Потом священник кладёт Крест на аналой (столлик для иконы посередине храма), трижды обходит Крест с кадилом, а мы трижды поем свой первый глас, после чего начинается поклонение Кресту.

Во время поклонения весь храм – все должны петь, все должны знать слова! – поёт красивейший и трогательнейший тропарь «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим». Поётся трижды, после каждого исполнения – земной поклон. Обычно следом за народом этот тропарь повторяет хор, а люди подходят к Кресту.

Большинство товарищей думает, что на этом все заканчивается. Однако люди церковной культуры непременно будут ждать пение стихир на поклонение Кресту – необычайной красоты и богословского содержания тексты! Это четыре стихиры, две из которых написаны византийскими императорами. Стихиру «Днесь неприкосновенный существом прикосновен мне бывает» написал император Лев Мудрый, а мою любимую молитву «Днесь Владыка твари» сочинил Константин Порфирородный. Конечно, как регент и канонарх, я эти стихиры и слышал, и исполнял в разных вариантах, в версиях разных композиторов. Это очень красиво. Это потрясающе глубоко. Если вы хотите понять, что такое богословие Креста, не беритесь за толстые книги, начните с этой небольшой, но удивительной стихиры:

*«Днесь Владыка твари и Господь славы
на Кресте пригвождается и в ребра прободается,
желчи и оцта вкушает – сладость церковная;
венцем от терния облагается;*

*покрываяй небо облаки – одеждею облачится поругания;
и заушается брэнною рукою – рукою создавый человека;
по плещема биен бывает – одеваяй небо облаки;
заплевания и раны приемлет, поношения и заушения.
И вся терпит мене ради осужденнаго,
Избавитель мой и Бог!*

Да спасет мир от прелести яко Благоутробен!»

Эта стихира поётся на восьмой глас, и если вы умеете петь на молебнах «Владычице, прими молитвы раб Твоих», споёте и эту молитву. Впервые я услышал её школьником, когда наш хор по старинным рукописным партитурам исполнил «Днесь Владыка твари» композитора Артемия Веделя. Это было волнительно и чудесно, потому что именно партесное многоголосое пение, которое так любят у нас критиковать, помогло мне «разглядеть» всю красоту этой стихиры.

Но если вы не успели услышать эти стихиры на субботней службе, не беда – поклонение Кресту в течение Крестопоклонной недели будет повторяться ещё трижды: в понедельник и среду на первом часе и в пятницу в конце литургии или как предписывает традиция вашего храма. Это очень утешительные службы, и эта утешительность не случайна.

Ещё в древности наши предки заметили, что созерцание Креста, простое воззрение на Крест как-то меняет человека, воздействует на него ободряюще. Оптинские старцы в своих письмах советуют в минуты уныния и отчаяния перечитывать канон Кресту или петь стихиры Креста. Испытано на себе – помогает.

Может быть, поэтому многие богословы и увидели в установлении Крестопоклонной недели глубокий замысел по поддержке сил постящихся христиан. Силы, на самом деле, это укрепляет. А вот с замыслом всё гораздо проще и смиреннее.

Дело в том, что Крестопоклонная неделя появилась случайно. Никто и не думал вкладывать в неё какой-то особый смысл. Не удивляйтесь, это не единственный случай в истории нашего устава: сначала появляется обычай, потом в него вмысливается какой-то смысл. Это нормально. Это обычная работа по смыслоопределению, которое мне симпатично именно в такой очерёдности – сперва символ, потом смысл. В этой версии нет навязчивой искусственности и учительной намеренности. Всё естественно. Интуитивно. От сердца.

Так вот, в Византии одним из почитаемых праздников было перенесение части Креста Господня из Апамеи в Константинополь. Само событие произошло в VI веке. Праздновалось весной. Праздновалось с размахом. Но поскольку праздник приходился на Великий пост, решено было сместить торжество на одно из

постных воскресений. В те далёкие годы Великий пост не затрагивал субботу и воскресные дни. В эти дни поста не было. Поэтому на субботы и воскресенья переносились все праздники, случавшиеся на неделе. Так появилось воскресенье Крестопоклонное, так перемещённые празднования святых Иоанна Лествичника и Марии Египетской дали имена великопостным воскресениям.

Со временем люди молитвы оставили отпечаток своего богосозерцательного опыта и на праздновании перенесения Креста. Стихиры императоров-поэтов – плод такого созерцания. Если вдумчиво их читать или петь, можно попасть в «тональность» этого умозрения, «заразиться» им. Когда вы пропоёте «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим», вдумчиво пропоёте, от всего сердца, вы опытно почувствуете и переживёте, что Крестопоклонная это воистину предчувствие Пасхи, это прославление и переживание Воскресения Христа прежде самого Воскресения.

Поэтому столько весны и свежести в этих чудесных службах!

Столько утешения от созерцания Креста и пения всем народом Божиим – от восторга и несокрушимого удивления перед тайной Креста!

Столько силы и бодрости, вливающейся в душу от одного взгляда на Крест!

Почему Крест утешает? Почему даёт силы жить? В чём его тайна?

Даже если не поймёшь, прими это утешение всем сердцем, и всё равно смотри, жадно смотри, счастливо смотри и удивляйся!

(Продолжение в следующем номере)

© ООО ТД «Никея», 2018

© Издательский дом «Никея», 2018

© «Православие и мир», 2018